

II. Контекст, развитие и значение Евромайдана: краткие наблюдения и толкования (3)

Андреас Умланд

Суть «украинского кризиса» и его значение для Кремля и Европейского Союза*

Так называемый «украинский кризис» последнего года был обусловлен скорее российской, чем украинской внутренней политикой. Не все, но некоторые из наиболее важных причин как отделения Крыма от Украины, так и вооруженного восстания в Восточной Украине нужно искать в Москве, а не в Киеве. Правда, все более открытая вовлеченность Кремля во внутренние дела Украины с начала 2014 г. не является агрессией в чистом виде. И сама по себе она, конечно, не была достаточным условием для возникновения и эскалации «украинского кризиса».

Тем не менее, тщательный взгляд на начало и ход присоединения Крыма к России и мнимой «гражданской войны» в Донецком бассейне с исторической и сравнительной перспектив обнаруживает глубокое вовлечение Москвы в эти, казалось бы, украинские проблемы¹. Уже во время (если не до) завершения процесса аннексии Крыма началась все более активная поддержка пророссийского сепаратистского движения Кремлем, а также «информационная война» Москвы против Киева. Эти российские меры не были достаточными, но стали необходимыми дополнительными предпосылками для того, чтобы уже ранее высокая, но до того мирная напряженность в Донбассе переросла в войну.

* Ранние варианты статьи публиковались в *Harvard International Review* и киевской газете *День*.

¹ Среди первых политологических книг на темы «Евромайдан», «аннексия Крыма» и «война в Восточной Украине»: Kiew – Revolution 3.0: Der Euromaidan 2013/14 und die Zukunftsperspektiven der Ukraine / Ed. S. Geissbühler. Stuttgart, 2014; Wilson A. Ukraine Crisis: What It Means for the West. New Haven, L., 2014; Sakwa R. Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands. L., 2014; Euromaidan: Analyses of a Civil Revolution in Ukraine / Ed. D.R. Marples, F.V. Mills. Stuttgart, 2015, в печати.

«Украинский кризис» с перспективы новейшей истории

Мало кто станет возражать, что постсоветская Украина с момента обретения независимости в 1991 г. сталкивалась с чрезвычайными социально-политическими вызовами, в том числе с проблемами культурных различий, регионального сепаратизма и правого экстремизма. Эти и другие конфликты, недостатки и проблемы, однако, не помешали удивительно спокойному существованию относительно консолидированного украинского государства с 1991 до весны 2014. Со сравнительной точки зрения, испытания, выпавшие на долю Украины, не представляются такими уж особенными, если их рассматривать в мировом или общеевропейском контексте. Некоторые государства-члены ЕС также сталкиваются с вызовами касательно их национального единства и этнического разнообразия. Целому ряду стран Азии или Африки не дают покоя сопоставимые проблемы, длящиеся зачастую значительно дольше и являющиеся иногда более серьезными, чем у украинского государства.

Если верить тому, как Украина изображается российской пропагандой, а также рассматривается некоторыми новоиспечёнными западными комментаторами украинской политики, можно прийти к выводу, что украинское государство должно было бы уже давно распасться или, по крайней мере, гораздо раньше быть охваченным гражданской войной. Учитывая якобы глубинные трещины и предположительно ожесточенный этно-национализм Украины, кажется необъяснимым, как эта обреченная страна существовало до сих пор – и при этом так мирно. Большинство иностранных наблюдателей Украины только недавно познакомились с ней ближе в связи с ее нынешним кризисом. Однако Украина сталкивалась со сложными вызовами и прежде, но справлялась с ними всегда мирным путем.

Например, в середине 1990-х Украина пережила один из самых тяжелых экономических кризисов во всей истории современной Европы. В 2005-2010 гг. последовавшее за «оранжевой революцией» президентство Ющенко, особенно к его концу, носило более националистический характер, чем временное президентство Турчинова в марте-мае 2014 г. или же нынешнее правление Порошенко. Если верить многим нынешним скептикам, то тот факт, что якобы несостоявшаяся украинская политическая нация выжила в этих и других испытаниях последних 25 лет, трудно объяснить.

Очевидно, Украина была и является страной с переходной экономикой, не функционировавшим госаппаратом, с многочисленными нерешенными вопросами и с тяжелыми временами впереди. Картина якобы особой несостоятельности изначально неправильно сформированного украинского государства в течение последних месяцев особенно активно распространялась международной российской пропагандистской машиной, включающей телевизионный канал *Russia Today*, радиостанцию *Голос России*, информационное агентство *Ruptly* и другие дирижируемые Кремлем СМИ. Тем не менее, целостность, учреждения и грани-

цы украинского государства до недавнего времени не ставились под вопрос Кремлем, а прерогатива исключительно ненасильственного разрешения конфликтов существовала в Украине вплоть до начала 2014.

Правда, в первое правительство после Евромайдана марта-ноября 2014 г. из двадцати членов вошли четыре этно-националистических министра, а также националистический Генпрокурор из праворадикального Всеукраинского объединения «Свобода». Это произошло в результате заметного, хотя и политически вторичного участия правых радикалов в предшествующих протестах против Януковича. Включение пресловутой партии Тягнибока в постреволюционные исполнительные органы и ее участие в законодательном процессе – одна из ошибок нового демократического руководства Украины. Она оказала вредное влияние, как на единство политической нации, так и на международный имидж Украины².

Однако, следует отметить, что и нынешняя латвийская правящая коалиция включает правонационалистическую партию, а именно Национальный альянс «Все для Латвии», который имеет двух министров в правительстве. За последние 20 лет в состав руководящих коалиций ряда государств-членов ЕС, например, Италии, Австрии, Словакии и Польши, в тот или иной момент входили радикальные националистические партии. В Италии в 1990-х короткое время в правительство входил «Национальный альянс» Джанфранко Фини – организация, которая является преемником Национальной фашистской партии, созданной когда-то Бенито Муссолини. Хотя и будучи гомофобными этноцентристами, ни один из бывших членов украинского правительства от «Свободы» не был достаточно экстремистским националистом, чтобы можно было оправданно применить к нему термин «фашист», как это часто утверждалось не только в российских СМИ, но и некоторыми западными левыми политиками и журналистами³.

Кремлевская смена курса 2014 года

После некоторых первоначальных колебаний в 1990-е годы Москва неоднократно подтверждала в письменной и устной форме, в правовых документах и политических заявлениях легитимность постсоветских границ Украины. Это изменилось, когда в начале 2014 г. Кремль принципиально пересмотрел свое отношение к Киеву перед лицом все более вероятной и, наконец, состоявшейся победы революции Евромайдана. Своей аннексией Крыма и подстрекательством насильст-

² Умланд А. Патриот ли Тягнибок? // Левый берег. 31 декабря 2014. http://lb.ua/news/2013/12/31/250594_patriot_li_tyagnibok_.html.

³ Подробно о «Свободе»: Шеховцов А. Всеукраинское объединение «Свобода»: проблема легитимности борьбы за власть // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 1. С. 22-63. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss19/02Shekhovtsov.pdf>.

венного восстания в Донбассе Россия подорвала статус-кво российско-украинских отношений, установившийся после окончания «холодной войны». Москва грубо нарушила ранее стабильное единство постсоветского украинского государства и положила конец его доселе последовательно мирному развитию.

Тем не менее, радикальность этого изменения постсоветской российской внешней политики не должна вызывать удивления. На украинскую карту для Москвы поставлены не только и не столько вопросы геополитической значимости. Скорее интерес сохранения личной власти и контроля над страной текущей правящей элиты в Москве является основным фактором, определяющим российское продвижение вооруженного сепаратизма в Южной и Восточной Украине. Не нужды российских государства и нации, а устойчивость все более авторитарного правления Путина и коррумпированной государственной системы являются главной кремлевской заботой. Успешная европеизация Украины поставила бы под сомнение неоавторитарные и патримониальные режимы, возникшие в большинстве постсоветских государств и, прежде всего, в России, после первоначального витка реформ начала 1990-х.

С одной стороны, из этого следует, что полномасштабная война между российскими и украинскими регулярными войсками маловероятна. Открытая кровавая экспансионистская агрессия против братского народа многими россиянами будет воспринята, как минимум, неоднозначно. Такие действия могут создать, в свою очередь, риски для постоянства нынешнего режима. С другой стороны, вряд ли Путин и Ко просто остановят свое вмешательство в Украину – даже при дальнейших и более жестких санкциях Запада. Кремль будет пытаться и дальше провоцировать нестабильность в Восточной, а также, возможно, Южной Украине, чтобы торпедировать консолидацию формирующегося открытого режима в Киеве⁴. Российское руководство будет препятствовать созданию и функционированию европеизированной социально-экономической системы в Украине.

В частности, Кремль будет и впредь пытаться испортить инвестиционный и деловой климат в Украине. Своими действиями Москва постарается поставить под сомнение экономический потенциал и политическую устойчивость украинского государства. Без вмешательства России Украина могла бы стать еще одним примером успеха постсоветской страны Восточной Европы после окончания «холодной войны». В результате реализации амбициозных реформ новой власти и воплощения подписанного Соглашения об ассоциации с ЕС Украина может повторить путь соседних славянских стран, таких как Польша или Словакия. Москва не столько хочет отобрать у Украины дальнейшие территории, сколько ей необходима страшилка экономического фиаско и социального хаоса. Провал Украины может быть представлен российской общественности как неизбежный

⁴ О концепции «открытого режима» или «open-access order» см. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge, 2012.

итог демократического восстания и сближения с Западом для большой православной славянской страны.

Роль Запада в эскалации конфликта

Волей-неволей Европейский Союз и его государства-члены в последние несколько месяцев становятся все более активными участниками этой специфически постсоветской мелкой, но кровавой игры. Правда, только на начальном этапе Евромайдан был протестом против переноса Януковичем подписания Соглашения об ассоциации в ноябре 2013 г. Для широкой украинской общественности Соглашение об ассоциации оставалось на протяжении последующих трех месяцев протестов вторичной целью или малопонятным аспектом «революции достоинства». Однако для большинства украинских политических, экономических и интеллектуальных элит, а также для ее образованной молодежи европейская интеграция Украины была и все еще является первостепенной целью Евромайдана, если не украинской внешней и внутренней политики в целом.

С подписанием Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС летом 2014 г., по мнению нынешних и будущих лидеров Украины, Евромайдан подошел к своему логическому предварительному завершению. Конечные цели украинской элиты, однако, идут дальше. Они включают в себя (а) скорейшую полную ратификацию Соглашения об ассоциации всеми 28 странами-членами ЕС, (б) постепенную имплементацию Соглашения в разных сферах украинского общества и (в) достижение перспективы полноправного членства Украины в ЕС. Учитывая эти амбиции Украины, Брюссель не сможет ограничиться частичными санкциями и оставить Киев жертвой манипуляций Москвы.

Из собственных интересов Запад также не может позволить себе просто наблюдать за тем, как Россия превращает Украину в одно из крупнейших несостоявшихся государств в мире. Россия своей недавней политикой в отношении Украины подрывает основы мирового режима нераспространения ядерного оружия, общеевропейской архитектуры безопасности, программы «Восточное партнерство» ЕС, а также международного гуманитарного права в целом. В 1994 г. Соединенные Штаты и Соединенное Королевство заверили Киев в Будапештском меморандуме среди прочего в том, что украинская территориальная целостность будет сохранена в обмен на согласие Украины отказаться от третьего по величине в мире арсенала ядерного оружия. В 2014 г. ЕС подписал свои крупнейшие Соглашения об ассоциации с Украиной, Грузией и Молдовой. Не случайно именно на территории этих трех государств Россия дислоцировала свои войска в противоречие двухсторонним договорам и многосторонним соглашениям, которые ее руководство подписало в Будапеште, Стамбуле, Женеве и т.д.

Заключение

Забываясь как об интересах своей безопасности, так и о поддержке своих основных ценностей, Западу придется более решительно реагировать на инициативы России в Восточной Европе и более активно сотрудничать с Украиной. Принятые в настоящий момент ограничения для российских государственных компаний и частных лиц могут оказаться недостаточными.

Очевидно, бóльшая ангажированность Запада касательно российско-украинского конфликта вряд ли может и будет включать непосредственную военную интервенцию НАТО. В любом случае, этот вопрос скорее всего не предстанет перед Западом. Путин хочет, чтобы украинское государство распалось от нестабильности изнутри, а не уничтожить его военным путем извне. В то время как Кремль может увеличить военные силы на территории Украины и даже выбрать вариант дальнейшего вооруженного вторжения регулярных войск за пределы Донбасса, его основной целью является не еще одна де-юре территориальная аннексия, как в случае с Крымским полуостровом.

Вместо этого, он хочет добиться как можно более громкого краха украинской европеизации. Именно такой провал, а не получение новых территорий, по крайней мере, в дивном новом мире путинской системы, принесет самые высокие барыши для поддержания правления путинского окружения. Несмотря на всю напыщенность недавней пропагандистской кампании России и все бóльшую агрессивность ее растущего национализма, кремлевское руководство мыслит в терминах своих частных, а не национальных российских интересов.